

АДВОКАТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Борохова

Адвокат по сердечным делам

Адвокатский детектив

Наталья Борохова

Адвокат по сердечным делам

«ЭКСМО»

2010

Борохова Н. Е.

Адвокат по сердечным делам / Н. Е. Борохова — «Эксмо»,
2010 — (Адвокатский детектив)

Налаженная, размеренная жизнь Евгении Швец, главного редактора журнала «София», полетела под откос: она сбила человека на заснеженной скользкой дороге и трусливо сбежала с места происшествия. Евгению терзали угрызения совести и страх, ведь ей грозило следствие, а потом и суд! Вконец отчаявшись, Швец обратилась за помощью к адвокату Елизавете Дубровской. Дубровская посоветовала заключить мировое соглашение с потерпевшей – ею оказалась юная Мария, сбежавшая из дома из-за невыносимо тяжелой жизни. Евгения пригласила Машу пожить у себя, чтобы оправиться от травм и потрясения. Женщина не замечала, что ее муж все больше времени проводит наедине с гостьей... Дубровская тем временем проверяла биографию Машеньки. Некоторые факты из рассказа жертвы не совпадали с действительностью, и это показалось адвокату очень подозрительным...

© Борохова Н. Е., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Наталья Борохова

Адвокат по сердечным делам

Глава 1

В тот день Евгения Швец вовсе не собиралась садиться в тюрьму. Конечно, ей, как и любому здравомыслящему человеку, была известна расхожая истина – относительно чего в этой жизни зарекаться не стоит, – и она какой-то частью своей души осознавала ее справедливость. Но, как и большинство других людей, она представляла, что подобное несчастье может случиться с кем угодно, только не с нею самой. Впрочем, почему она, взрослая благополучная женщина, дожившая до своих сорока лет без малейших столкновений с законом, должна идти на нары, как какая-нибудь воровка или мошенница? У нее отличная работа, абсолютно не связанная с криминалом; замечательная семья – муж и двое детей; безупречная репутация и чудесная улыбка... Нет, стоп! Улыбка здесь совсем ни при чем. Хотя в то самое утро, за час до того, как она убила человека, Евгения Швец улыбалась сама себе. Она управляла своим любимым «БМВ» и искренне полагала, что счастливее ее нет никого на целом свете.

Улыбаться, сидя в пустом салоне автомобиля, в то раннее январское утро мог на самом деле только счастливый человек. Природа изо всех сил пыталась опровергнуть утверждение, что у нее якобы не бывает плохой погоды, и поливала мостовые города жуткой смесью воды и снега. Люди, кляня глобальное потепление, бросались к входам в метро и в подземные переходы, а водители, бурча проклятия себе под нос, покорно занимали места в хвосте километровых пробок.

Евгения могла не торопиться. Заседание редколлегии назначили на десять часов, и у нее был еще солидный запас времени для того, чтобы решить некоторые дела. В первую очередь она завезла в детский сад дочь Василису и даже успела переплести ей косы. Очаровательное создание махнуло ей рукой на прощание, но перед этим поинтересовалось, кто ее сегодня заберет. Хорошо, что этот вопрос решался в семье Швец легко. Родители Василисы, занятые деловые люди, давно установили правило: кто свободен, тот и берет на себя эту обязанность. Сегодня как раз этим должен был заняться Александр, муж Евгении.

Вспомнив о супруге, женщина заулыбалась еще шире. Она все еще чувствовала на своей щеке его поцелуй, которым он проводил ее в дорогу. Эта была неизменная традиция – обязательный утренний поцелуй и пожелание удачного дня, как талисман на счастье от самого красивого и доброго мужчины на свете. Подруги предрекали им когда-то, что они не продержатся вместе и двух месяцев, а они прожили уже девятнадцать счастливых лет и даже не думали что-то менять...

Евгения взглянула в зеркало и сдула с лица непослушную пушистую прядку волос. Для своих сорока лет она выглядела великолепно. Максимум на тридцать пять. Не больше. У нее было интеллигентное лицо с умными, серого цвета глазами, огромная копна мягких пепельных волос и превосходная осанка. Кто-то из знакомых назвал ее за глаза «породистой» женщиной, и Евгения, как ни старалась, так и не смогла понять, что тут имелось в виду. Дворянских корней в ее роду отродясь не было. Связями с сильными мира сего она тоже не обладала. Ну, а ее собственная внешность казалась ей весьма противоречивой. Иногда она нравилась самой себе, а иногда – сокрушалась. Ну откуда, к примеру, взялся этот нос? Он был слегка длиноват, и ее супруг утверждал, что он ее ничуть не портит, но сама Евгения была на этот счет другого мнения. Нос просто обязан был быть небольшим и аккуратным, словно выточенным из алебаstra. Глаза у красавицы должны быть больше. Губы – полнее. А фигура... Впрочем, фигурой своей она была как раз довольна.

Евгения осознавала, что в ее болезненных копаниях в собственной внешности виноват супруг. Нет, Александр не давал ей повода быть недовольной собой, кроме, пожалуй, одного... Дело в том, что Александр Швец был очень красив. Не привлекателен, не просто симпатичен, а именно красив – натуральной мужской красотой. В свои сорок два года он ничуть не растерял своего великолепия и сейчас казался ей, пожалуй, еще лучше, чем был некогда, двадцать лет тому назад. Высокий, атлетически сложенный, темноволосый, с глазами густого синего цвета и с белозубой улыбкой, он казался ей ожившей рекламой. Надо сказать, Евгения предпочла бы, чтобы ее муж был чуть-чуть менее красивым: чтобы у него появился животик, складки на щеках. Но он был спортсмен и не терпел пива. Ну, а жесткая линия рта и те самые складки на щеках делали его облик еще более мужественным и интересным. Сейчас она почти смирилась с его главным «недостатком», а когда-то, двадцать лет назад, он едва не стал причиной их первой размолвки...

Евгении, как начинающей журналистке, поручили подготовить материал о тенденциях спортивной моды. В дополнение к статье полагался богатый иллюстративный материал со снимками моделей. Женя с подругой в назначенный час прибыли в модельное агентство, где их взору предстала группа красиво одетых молодых людей: девушек и парней. Они весело болтали и не обращали никакого внимания на юных журналистов. Фотограф наладил освещение, и работа началась. Модели позировали в разных ракурсах, а девушки пытались набросать свои впечатления о показе спортивной коллекции в своих блокнотах.

– Господи, погляди, какой красавец! – ахнула подруга и что было силы ущипнула Евгению за локоть. Перед камерой в тот момент нарисовался молодой человек атлетического телосложения.

Женька только поморщилась. Не то чтобы этот тип оказался ей абсолютно неприятен. Конечно, она отдала должное его глазам, фигуре и ослепительной улыбке, но посчитала, что в его облике слишком много сахара. Ему не хватало мужественности, и ко всему прочему он был еще наверняка глуп, тщеславен и эгоистичен. Об этом она сразу же сообщила подруге.

– Ты просто дура! – ответила та, не сводя восхищенного взгляда со статиста. – А можно потрогать? – спросила она, имея в виду бицепс красавца. – Это все настоящее?

Тот покровительственно кивнул головой.

– Спокойно, девочки! Тут все настоящее. – Он взглянул на Евгению: – А вы не хотите прикоснуться к прекрасному?

– Обойдусь, – ответила она и с удвоенным усердием застрочила что-то в своем блокноте.

Она не переносила такую породу людей. Быть моделью – это занятие, простительное для женщины, но никак не для мужчины. Зарабатывать на своей внешности могут только самолюбленные, ограниченные типы, и она ничуть не сомневалась в том, что парень в теннисной форме как раз относится к этой породе людей.

– Вы хоть ракетку-то в руках держали? – спросила она, еле сдерживая негодование. – Такое впечатление, что вы собираетесь бить ею мух.

– Да? – озадаченно спросил он, вертя в руках спортивный инвентарь. – Мне казалось, что я умею это делать. Может, вы мне покажете, как правильно обращаться с этой штукой?

«Он еще и туп как пробка!» – кипя от злости, подумала Женька, но делать было нечего, она сама завела этот разговор.

Имея за плечами пару уроков большого тенниса, когда тренер не без труда вложил в ее руки этот диковинный предмет, она заставила наглеца с белозубой улыбкой следовать ее рекомендациям. Это его почему-то ужасно веселило, а под конец он осмелел настолько, что заявил:

– А давайте сходим куда-нибудь вечером? Может, в кино?

– Вечерами я занята! – отрезала она. – Я пишу статьи.

– Как интересно! – воскликнул он. – А вы напишете что-то про меня? Признаться, я рассчитывал на интервью.

Женька едва не поперхнулась собственной ненавистью, но вовремя взяла себя в руки и твердо заявила:

– Боюсь, что о таких, как вы, лучше всего рассказывать в картинках! Знаете, что-то типа комиксов.

– Знаю, знаю! – улыбнулся он. – Значит, вы мне отказываете?

– Категорически, – заявила она и, прищурив один глаз, ехидно спросила: – А все-таки, по секрету, зачем вы всем этим занимаетесь? Ну, к чему вам все эти показы, фотографии в журналах? Вам не кажется, что настоящий мужчина должен делать в жизни что-то более значительное?

Он посмотрел на нее непонимающе, но потом рассмеялся:

– Вы знаете, я считаю, что внешность должна приносить кое-какой доход. – Он пожал плечами. – Мне просто нужны деньги...

Все! Большого от него она и не ожидала.

Всю обратную дорогу Женя дулась на себя саму и на свою подругу, которая, вдруг потеряв девичью гордость, говорила только о нем – об этом красивом манекене. В этот момент Женька с грустью думала о том, что, сколько ни произноси высокопарных фраз о красоте душевной, все разобьется вдребезги, стоит появиться вдруг поблизости красавцу с писаной внешностью и куриными мозгами.

В редакции у них потребовали интервью, и Евгения в недоумении воззрилась на подругу. Та скинула, схватилась за голову и блеющим голосом произнесла, что совсем забыла о задании редакции.

– Так, так! – запыхтел сигаретой редактор. – Значит, профукали чемпиона России по теннису? Чем вы там, черт подери, занимались?

– Какого чемпиона? – с недоумением спросила Женька.

– Того, которого ты учила держать ракетку! – простонала подруга. – Ты еще сказала, что ему нужно позировать для комиксов.

– Все ясно! – отрезал редактор и швырнул непотушенную сигарету прямо им под ноги. – Так, милые мои, карьеру не строят. Мы об этом интервью, между прочим, еще месяц тому назад договаривались! Все пытались его отловить между сборами и соревнованиями. И что теперь? Приходят две облезлые курицы и пускают дело коту под хвост! Вот что, милые мои, не будет интервью ко вторнику – пеняйте на себя...

Подруга взялась исправить ситуацию, но через день вернулась несолоно хлебавши. Красавец требовал прислать именно ту смешную девчонку, которая воображает, что умеет держать в руках ракетку. Надо сказать, что самой Евгении внимание чемпиона ничуть не польстило. Да, она осознавала, что парень оказался не так прост, как ей подумалось вначале, но она с предубеждением относилась к спортсменам и полагала, что все они примитивны и абсолютно неинтересны как личности. Известие о том, что свои гонорары от съемки чемпион собирался отдать в помощь детям-сиротам, застало ее врасплох. А когда она узнала, что этот странный парень бесплатно дает уроки большого тенниса одаренным подросткам из бедных семей, в душе ее шевельнулось раскаяние. Они встретились, и случилось то, чего Женька боялась больше всего. Она попала в плен его обаяния и с неудовольствием вынуждена была признать, что Александр – умный и интересный собеседник, а она, по всей видимости, непроходимая дура, которая мыслит штампами и не видит ничего дальше своего носа. Он рассуждал о политике и о литературе, обнаруживая глубокое знание этих предметов. Он любил классическую музыку, разбирался в джазе и легко ориентировался в мире рока. Он мог говорить о чем угодно, только не о себе самом. Свое чемпионство он не обсуждал, а о собственной благотворительности говорил с легким оттенком смущения.

Их роман был стремителен, и, когда он сделал ей предложение, все подружки были в ужасе, а мать и вовсе едва не слегла с сердечным приступом. «Доченька, тебе нужно кого-нибудь попроще, – только и говорила она. – Ну, зачем нам в семье чемпион, да еще и красавец?» – «Не будет тебе с ним счастья, – твердили подружки. – Одна маета!» Евгения с горечью осознавала, что они правы, но не могла же она сломать любимому нос или заставить его побриться наголо? Короче говоря, она отвела себе на счастье ровно один год, а там решила: будет так, как будет! Прошел год, и она замахнулась на два. Потом – на целую пятилетку. Потом – еще...

Конечно, за все эти годы у них бывали и ссоры, и бурные примирения, как в любой семье, но ни один из них ни разу не заводил речь о разводе. Размолвки эти казались им слишком мелкими для того, чтобы поставить на карту главное – их семейное счастье. Сын Иван, родившийся через семь месяцев после свадьбы, стал чудесным даром молодых супругов самим себе, и с тех пор жизнь их семьи протекала в непрерывной заботе о ребенке, об их общем доме. Ко всему прочему Александр и Евгения оказались амбициозными людьми, львиную долю своего времени отдающими карьере. Глава семьи вынужден был из-за травмы распрощаться с большим спортом, но вовремя сориентировался и перешел на тренерскую работу, получил диплом о высшем образовании и даже успел защититься. Теперь он, уже в статусе кандидата педагогических наук, читал лекции в университете, а многие начинающие теннисисты мечтали стать его воспитанниками.

Карьера Евгении складывалась не столь звездно, но, впрочем, тоже вполне благополучно. После окончания факультета журналистики она попробовала себя в качестве корреспондента одной из газет, затем ведущей на радио, потом писала заметки для различных журналов, пытаясь найти свой стиль. Ей поручили вести рубрику в одном из новых молодежных изданий, затем она уже курировала работу целого отдела и даже отвечала за связи с общественностью. Венцом ее карьеры стало место главного редактора популярного журнала. Теперь ей казалось, что она непрерывно находится в эпицентре какого-то сумасшедшего урагана. К ней на стол стекались материалы, охватывающие темы различных сфер человеческой деятельности. Она должна была знать новости, разбираться в бизнесе и юриспруденции, понимать толк в моде и красоте; улавливать переменчивые волны читательского интереса; идти на шаг впереди конкурентов. Поначалу она оторопела от потока новой информации, обрушившейся на нее, как стихия, и даже запаниковала, думая, что по ошибке уселась в чужие сани. Если бы не Александр, который взял на себя в то время не только заботы о сыне, но и обязанности ее личного психолога, Евгения вряд ли бы выдержала ту многодневную гонку. Тогда ей приходилось доказывать издателю, своим новым подчиненным, да и самой себе, что она и есть та самая незаменимая персона, которая должна стоять у штурвала модного издания и определять, каким курсом должна плыть глянцева махина под названием «София». Каждый вечер, убедившись, что Иван спит, супруги усаживались на кухне и, заварив чай с мятой, часами вели долгие разговоры. Александр разбирал жалобы супруги со сноровкой завязтого психотерапевта. Все мелкое и незначительное он отправлял в кучу с резолюцией «само рассосется». Проблемы средней значимости муж предлагал решать по мере их поступления, зато не жалел времени на то, что серьезно портило жизнь его любимой жене. Главным препятствием на пути к успеху новоиспеченного главного редактора была не зависть коллег и не скверный нрав издателя, а, как ни странно, собственный характер Евгении Швец, существовавший словно сам по себе, отдельно от своей хозяйки. Привыкшая добиваться совершенства во всем, за что бы она ни бралась, Евгения вдруг вообразила, что от нее – и только от нее – зависит то, как будет воспринимать ее журнал читатель. Она бралась править чужие статьи, потому что ей все время казалось, что они далеки от идеала и не соответствуют ее представлению о том, что желает увидеть от нее издатель. Она изводила бесконечными придирками журналистов, заставляла их перепроверять уже достоверную информацию и даже пыталась тестировать на себе косметику, стараясь понять, не лжет ли рекламодатель. Она совала нос во все дела и решительно не хотела прини-

мать доводы мужа о том, что главный редактор вовсе не должен создавать номер в одиночку. «Хочешь, чтобы было хорошо, – сделай все сама», – вздыхала она и упрямо тянула на себе весь редакторский воз. Ответственный секретарь у нее валял дурака. Редколлегия била баклуши. А Евгения Швец худела и бледнела, пытаясь заменить собою всех авторов, редакторов и корректоров – в одном лице. Кончилось все тем, что она слегла от нервного истощения, попутно подхватив и сезонный грипп. Когда она, полыхая от жара, лежала в своей постели, ей казалось, что настал конец света и ее любимой «Софии» больше нет. Вернувшись на работу через месяц, она с удивлением заметила, что журнал в ее отсутствие только похорошел и посвежел, что ее ответственный секретарь работает как надо, а члены редколлегии недаром получают деньги. В кабинете ее ждал свежий букет цветов и открытка от издателя с пожеланием доброго здоровья. Тогда она впервые задумалась о том, что, по всей видимости, Александр прав, и ей нужно проявлять к людям больше доверия и теплоты. С того момента она наконец успокоилась, отвела для служебных дел строго отведенные часы и запретила себе брать работу на дом. Ее любимая «София» поплыла по волнам издательского мира красиво, с достоинством выдерживая легкую качку, а иногда и безветрие, пока главный редактор опять не нарвалась на мель. В этот раз все оказалось намного хуже.

Занятая работой, Евгения как-то не заметила перемен в своем самочувствии и, когда обратилась к врачу за консультацией по поводу расстройства желудка, получила нокаутующий удар. Она ждала ребенка. Это известие выбило ее из колеи настолько, что она просто не могла прийти в себя. Ей было уже тридцать шесть лет, и ей казалось, что время пеленок и распашонок осталось далеко позади. Ване минуло пятнадцать, и он уже забыл свои детские просьбы о братике или сестренке. Она же не собиралась ни беременеть, ни рожать. Впрочем, мысль о том, чтобы избавиться от ребенка, не нравилась ей тоже. Но беременность – не то состояние, от которого можно так легко отмахнуться.

– Я пропала! – говорила она мужу, сжимая ладонями виски. – Меня выгонят с работы, потому что никому не нужна на месте главного редактора эдакая мамочка с бутылочками и памперсами! Ну, что же ты молчишь, Сашка? Что мне, по-твоему, делать?

Александр был не менее ее обескуражен неожиданным известием, но его шок прошел гораздо быстрее. Более того, он боялся признаться себе в том, что состояние жены ему нравится. Все кончилось тем, что однажды к приходу жены с работы они с сыном подготовили ей сюрприз. Увидев детскую коляску, доверху наполненную игрушками, ползунками и пеленками, Женя разрыдалась.

– Вы ничего не понимаете, – плакала она, размазывая по лицу слезы, как девчонка. – Я не для того столько лет выстраивала свою карьеру, чтобы сейчас осесть дома и варить манную кашу!

– Ты хочешь избавиться от ребенка?! – спросил Ваня с ужасом, словно вместо своей матери внезапно увидел сейчас Медузу горгону.

Она затрясла головой:

– Нет! Но я слишком стара для всего этого. Я не хочу проходить через все это еще раз. Более того, я просто не смогу!

– Ну почему, ради всего святого? – удивился Александр. – У тебя хорошее здоровье. Ты полна сил. Ты сможешь! В конце концов, я помогу тебе...

– Поможешь в чем? – зло спросила она. – Носить в себе нашего ребенка? Посещать женскую консультацию? Кормить его грудью?

– Я помогу тебе сделать так, чтобы твое новое состояние причинило тебе как можно меньше хлопот, – сказал он веско. – Тебе придется только немного разгрузить свое расписание, но в остальном все останется так, как и прежде. Ты сможешь даже работать.

– Ты говоришь ерунду! – категоричным тоном заметила она.

– Конечно, окончательное решение остается за тобой, – сказал он. – Но я полагал, что и наше мнение имеет для тебя значение.

Он с силой толкнул коляску, и плюшевый мишка, скатившись с вершины разноцветной пирамиды, упал ей под ноги. Это был почти единственный случай за их долгую супружескую жизнь, когда на горизонте замаячила перспектива расставания. Александр, обычно человек покладистый и добрый, проявил в этой ситуации недюжинное упрямство, и в конце концов она сдалась из милости, решив ничего не предпринимать и сохранить ребенка. Супруг если и был рад этому, то не показывал вида. Они вели обычную жизнь, работали и почти не говорили о том, что скоро должно произойти. Евгения покорно и гордо несла над головой нимб мученицы. Супруг и не думал ей сочувствовать.

Через несколько недель Евгения вернулась домой с работы пораньше. Ее сильно тошнило, а в животе возникли тянущие боли. Она еле дотащилась до дверей квартиры. К счастью, дома был Александр. Увидев белое, как бумага, лицо жены, он немедленно вызвал «Скорую». Евгению отправили в больницу с сильнейшей угрозой прерывания беременности.

– Сложно сказать, сможете ли вы сохранить ребенка, – качал головой врач. – Боюсь, это вряд ли возможно.

Евгения думала, что почувствует при таком известии грандиозное облегчение. Проблема решалась сама собой и избавляла ее от ужасной необходимости делать выбор. Но, как ни странно, предсказание врача всколыхнуло в ней чувство вины по отношению к нерожденному ребенку. Она посчитала, что дитя, почувствовав нелюбовь матери, решило не появляться на свет. Это был тяжелый момент, и она ощутила неожиданную пустоту при мысли о том, что предпочла малышу журнал. Тогда-то всеми своими силами она уцепилась за тоненькую нить, которая еще связывала ее с ребенком. Александр был удивлен, застав свою жену в больничной кровати всю в слезах, но уже по поводу, прямо противоположному тому, который еще совсем недавно был причиной ее переживаний. Евгения готова была бросить журнал, она согласна была пролежать в постели весь оставшийся срок беременности, пить таблетки, переносить уколы, только бы сохранить то чудо, от которого она едва так легко не отказалась. Тревога за судьбу ребенка сильно сблизила супругов и заполнила собой брешь в их отношениях.

К счастью, все обошлось, и уже через пару недель она смогла вернуться в редакцию. Теперь она была осторожна и благоразумна, готова к разговору с издателем и даже к тому, что ее попросят перейти на более легкую работу. Но, по всей видимости, ее деловую репутацию и опыт ценили, поэтому позволили ей уйти на щадящий режим. Теперь она выполняла часть своих обязанностей дома, у компьютера. Все складывалось как нельзя лучше. Александр не забыл о данном им когда-то обещании и максимально облегчил ей жизнь. Вскоре в их квартире появилась Нурия, пожилая деревенская женщина, взявшая в свои руки всю работу по хозяйству. Евгении оставалось лишь давать ей необходимые распоряжения и радоваться тому, как прекрасно ее помощница со всем справляется.

Нурия вырастила своих четверых детей, а сейчас была свободна и хотела немного подработать, чтобы не сидеть дома. Она привязалась к своим новым хозяевам и даже гордилась тем, что работает у таких хороших и добрых людей. Когда родилась Василиса, ее помощь оказалась весьма кстати. Она с удовольствием возилась с девочкой, и супруги решили, что лучше няни им просто не найти.

Рождение Василисы стало для Евгении счастливым событием. Она гладила темные волосики дочери, рассматривала ее кукольное личико с синими, как у отца, глазами, трогала крошечные ручки и утирала слезы радости. Она не могла поверить, что еще сравнительно недавно стояла перед выбором, не зная, что ей следует предпочесть – радость материнства или собственную карьеру? Евгения была благодарна тому, что мудрое провидение (а может быть, это был сам создатель, кто знает?) вовремя встряхнуло ее, показав ей всю глубину ее собственной глупости. Смысл ее жизни был в этом смешном, туго запеленутом кулечке, да еще, пожалуй,

в высоком красивом человеке, который все время был рядом с ней, а теперь протягивал руки, чтобы впервые подержать собственную дочь. А еще с ними был Иван, их сын, которому уже исполнилось шестнадцать, и он со страхом и радостью поглядывал на крошечное создание, которое истошными воплями приветствовало его появление в больничной палате.

Страхи Евгении оказались беспочвенными, и уже довольно скоро она смогла вернуться к работе в редакции. Материнство пошло ей на пользу. Она словно расцвела, помолодела. Ей казалось, что время обратилось вспять и она снова вернулась в то счастливое состояние, в котором некогда пребывала после рождения Ивана. Когда ей с дочкой доводилось бывать в общественных местах, к ней обращались не иначе как к девушке, молодой матери. Ее это чрезвычайно забавляло, ведь, как ни крути, в скором времени ей должно было исполниться сорок – не самый приятный возраст для женщины. Но наличие на ее руках маленького ребенка легко убирало ей лишние десятилетия, и она с радостью принимала эти обращения: «Девушка, а вы не подскажете...», «Девушка, здесь на скамейке есть свободное место...». Разве может быть у взрослой женщины такая крошечная дочь?

В общем, все шло как надо. Материнство, заботы о семье, работа в журнале перемежались с отпусками, бюллетенями по болезни, каникулами в школе – все, как в любой другой семье, до того самого дня, когда Евгения привычно села за руль своего «БМВ»...

Снегоочистители елозили по ветровому стеклу, издавая ужасный скрип. В салоне звучала красивая мелодия, и Евгения, размягченная воспоминаниями, готова была побыть наедине с собой и со своими мыслями еще немного, прежде чем ее засосет суета очередного рабочего дня. Необходимость плестись в пробке, постоянно трогать с места и тут же тормозить, слышать отчаянные гудки торопящихся по своим делам горожан ее раздражала. Она решила поехать дальним путем, благо время для этого у нее имелось с избытком. Миновав пару кварталов, она свернула во дворы и еще долго петляла в лабиринтах коротких улиц, потом пересекла магистраль и выехала на объездную дорогу. Ее путь лежал через большой лесной массив, где даже воздуха, казалось, было больше. Правда, сегодня, из-за этой ужасной слякоти, ей не удалось полюбоваться красотами зимнего леса. Все вокруг затянуло густой пеленой, и Евгении казалось, что, вырвавшись из шумного городского потока, она сразу же очутилась на краю света, где было тихо и темно. Дорога петляла то влево, то вправо, то забиралась на пригорок, то лихо скатывалась вниз. Жене было чрезвычайно уютно в теплом салоне, где умиротворяюще звучала музыка и все житейские проблемы казались ей ужасно далекими, даже надуманными.

Внезапно из темноты, прямо ей под колеса, ринулось что-то очень быстрое, небольшое. Может, это была бродячая кошка, заяц или что-то в этом роде. Женщина резко крутанула руль, стараясь избежать столкновения, но колеса на скользкой поверхности дороги не подчинились команде, и она с ужасом осознала, что не управляет ситуацией. «Поворачивай руль в сторону заноса. В сторону заноса...» – твердил ей голос невидимого инструктора, но она что было сил жала на педаль тормоза, которая была сейчас абсолютно бесполезной, и до дрожи в руках цеплялась за руль. Зверек тем не менее благодаря своей расторопности остался жив, но Евгения, не успев перевести дух, увидела прямо перед собой невестку откуда взявшуюся человеческую фигуру. Скорость ее машины была небольшой, но удар по левой части капота, казалось, сотряс собою землю. Человек нелепо взмахнул руками и отлетел в сторону, как тряпичная кукла. Машина, проехав еще несколько метров, наконец остановилась, уткнувшись бампером в дорожный указатель: «п. Клепино».

Несколько секунд Евгения пребывала в полном оцепенении, но, когда к ней вернулась способность ощущать мир, она с ужасом поняла, что лежит лицом на рулевой колонке, а машина оглашает окрестности громкими звуками гудка. Она отпрянула назад, словно опасаясь, что сейчас на шум сбегутся люди, вытащат ее из машины и волоком потащат в милицию. Она ожидала громких криков, стука кулаков по стеклу и на всякий случай заблокировала дверцы.

Радио почему-то замолчало. Должно быть, она нечаянно нажала рукой на кнопку. Впрочем, ей сейчас было не до музыки. Мысли, одна страшнее другой, пронеслись в ее голове, как пугливые зайцы. Она уже слышала вой милицейской сирены, ощущала на своих руках холодную сталь наручников, и в голову ей почему-то лезли фразы, которые она слышала в каком-то фильме: «Вы вправе молчать, ибо все, что вы сейчас скажете, может быть использовано против вас... Вы имеете право на адвоката... Если у вас нет средств на оплату защитника, вам его предоставит государство...»

Томительное ожидание длилось не больше минуты. Ей показалось, что прошли часы. Вокруг стояла вязкая тишина. Только капли дождя пополам со снегом барабанили по капоту. Кап... кап... кап... Ее никто не тревожил. Ей никто не кричал, не стучал, не свистел. Наконец она поняла, что осталась одна в этом заснеженном мире. Одна, если не считать человека, которого она сбила пару минут назад.

Евгения с трудом повернула голову. Никого. Только темная лента дороги впереди. Трусливая мысль шевельнулась в глубине души. Может быть, все это ей только показалось? Может, она заснула за рулем и проснулась только тогда, когда ее автомобиль уткнулся бампером в дорожный знак? Она открыла дверцу и тихонько выскользнула наружу. Дверцу оставила на всякий случай открытой. Кто его знает?..

Но опасения ее были напрасны. Никого из посторонних Евгения не заметила. Осторожно ступая по мокрому асфальту, она обошла машину и едва не вскрикнула, увидев в нескольких метрах от себя скрюченное человеческое тело. Видимость была отвратительной. Она даже не разобрала, кто это был: мужчина или женщина. Человек лежал на боку, неестественно вывернув ноги, и не шевелился.

– Эй! – позвала она еле слышно. – Эй! Как вы?

Вопрос ее, если разобраться, был глупым. Как, спрашивается, должен чувствовать себя человек, которого только что сбила машина?

– Эй, отвечайте! – попросила она уже громче, и голос ее задрожал. – Что вы молчите? Вы слышите меня? – Она нервно всхлипнула.

Человек не шевельнулся. Он лежал на холодной земле и не прилагал никаких усилий, чтобы приподняться, позвать на помощь, кивнуть головой или еще каким-нибудь способом дать понять, что он жив.

Евгения сделала шаг в сторону тела и остановилась. Она поняла, что ни за что на свете не сможет подойти к нему, убрать с его головы капюшон. Что она увидит? Устремленные в пустоту, ничего не видящие глаза? Залитое кровью лицо? Предсмертную гримасу боли? Она содрогнулась, представив себе эту картину столь ясно, что ей захотелось кричать. Кричать от боли, отчаяния, ужаса.

Но она вовремя взяла себя в руки. Небо на горизонте светлело. Еще полчаса, и очертания предметов станут четкими. Темнота уползет под кроны подступающих к дороге деревьев. Настанет день.

Внезапно новая волна ужаса окатила ее с головы до пят. В любую минуту здесь могли появиться люди! Ведь рядом стоял дорожный знак, указывающий на близость населенного пункта. По дороге мог проехать автомобиль. Что случится тогда? Ее обязательно заметят. Увидят и распостертое на обочине тело. Хватит и секунды, чтобы оценить ситуацию и принять решение. Бегство тоже вряд ли ей поможет, если они запомнят номер ее машины.

Она резко развернулась и, подбежав к машине, быстро забралась в салон. Зубы ее стучали, то ли от пережитого ужаса, то ли от предрассветного холода, пронизывающего до костей. Руки, когда она поворачивала ключ в замке зажигания, тряслись. Она молила бога о том, чтобы машина не заглохла в самый неподходящий момент, и, когда мотор сыто заурчал, она резко дернула ручку на коробке передач. Чуть сдав назад, чтобы объехать дорожный указатель, она

рванула вперед. Прошло несколько минут, и дымка выхлопных газов рассеялась в воздухе. Место происшествия опустело...

Глава 2

«Я убила человека! Я только что убила человека...» – стучала в висках беспокойная мысль. Этот звук, как казалось ей, эхом разносился окрест и заставлял Евгению все сильнее нажимать на педаль газа. То, что она сейчас совершила, казалось ей невероятным, неестественным, словно списанным из какой-то чужой жизни про злодеев и милицию. Она, добрая и умная Женечка Швец, убила человека, а теперь замечает следы, чтобы уйти от преследования. Хотя, если разобраться, ею сейчас двигало не желание оставить всех с носом, а элементарный страх, что-то вроде инстинкта выживания, заставляющего человека в критической ситуации делать выбор в пользу самосохранения.

В зеркало заднего вида она заметила, что позади нее появился автомобиль. Мигалки она не увидела, но присутствие на дороге еще одного водителя заставило ее напрячься. Ей показалось, что он моргает ей фарами, не то сигнализируя ей о чем-то, не то требуя остановиться. Он настигал ее. Мрачная громада чужого автомобиля делалась все больше, и Евгения поняла, что ей никуда не деться от преследования. Смирившись с неизбежным, она чуть сдала к обочине, но машина промчалась мимо нее, прогудев в знак приветствия.

Она остановилась и некоторое время пыталась прийти в себя, унять дрожь в руках и коленях, очистить мысли. Коли она уже приняла решение скрыться с места происшествия и спастись, дальше ей следовало действовать с максимальной осторожностью, на холодную голову. А где ей взяться, холодной, трезвой голове, если сейчас Женьку окатывало то жаром, то холодом с головы до ног и все ее попытки взять себя в руки выглядели жалко?

Она вышла из автомобиля, решив осмотреть капот. Повреждения были серьезными, хотя и меньшими, нежели она ожидала. Левая фара разбилась. Пострадали крыло и бампер. Вмятина имелась и на капоте. Но сердце ее забило сильнее не от осознания необходимости грядущего ремонта, а оттого, что в битых осколках стекла на фаре отчетливо виднелись бурые следы, которые она, разумеется, приняла за кровь. Евгения схватила из салона рулон с салфетками и принялась вытирать ошметки левой фары. Кончилось все тем, что она порезала себе палец, а использованные салфетки выбросила на обочину.

Оглядевшись, она поняла, что излишне удалась от города, проехав нужный поворот. Ей пришлось возвращаться назад. Меньше всего ей хотелось сейчас ехать в редакцию, а больше всего ей необходим был ее супруг. Уж Александру бы пришлось что-нибудь дельное в голову! Он не стал бы причитать, в ужасе мотая головой, заламывая руки и изводя ее бесчисленными, но теперь уже бесполезными вопросами. Она набрала его номер. «...надеемся на ваше понимание», – слащавым женским голосом отозвалась трубка. Проклятие! Она оказалась вне зоны приема. В богом и людьми забытом месте. Совсем одна! На битой машине! С первобытным ужасом в глазах...

Но делать было нечего. Она развернула автомобиль и поехала по направлению к городу. Теперь уж она не петляла в лабиринтах своей памяти, предаваясь приятной неге, а вела машину к месту назначения, как запрограммированный робот. Евгения понимала, что в таком деле весомыми могут оказаться любые мелочи, и отсутствие ее на месте работы в рабочее время может повлечь за собой неизбежные вопросы а, может, даже и подозрения. И то и другое ей было совершенно ни к чему, поэтому волей-неволей она и ехала в редакцию.

Она и не представляла, как сложно ей будет влиться в поток машин, проехать мимо стационарного поста ГАИ. Ей казалось, что на нее пялятся прохожие, показывают пальцем водители. Словно на капоте ее машины кто-то установил неоновую вывеску: «Я только что сбита человека!» Ей едва не стало дурно, когда дорожный инспектор взмахнул жезлом, потребовав остановиться.

Собрав всю волю в кулак, она прилепила к губам одну из своих самых искренних улыбок. Было время, когда они еще действовали на мужчин. Но гаишник, сурово сдвинув брови, попросил ее предъявить документы. Евгения передала ему черную кожаную книжечку, в которой имелось все необходимое. Мужчина недовольно буркнул что-то себе под нос.

– Что, простите? – поинтересовалась она.

– Где вы перед покалечили? – спросил он.

Сознание царапнуло слово «покалечили», и она почувствовала подступающую к горлу тошноту.

– Это произошло случайно, – пробормотала она. – Я не хотела...

– «Не хотела», – передразнил он. – Вот моя жена тоже не хотела, когда выезжала с парковки! Просто дала со всей дури в столб. Как это у вас получается, вот что мне интересно?

– Так мы же женщины, – виновато улыбнулась Евгения.

Обычно она до хрипоты в горле доказывала, что женщины – лучшие водители и мужские анекдоты на этот счет – глупые предрассудки, но сегодня был явно не тот случай. Ей требовалось отвязаться от служителя закона раньше, чем он начнет задавать ей вопросы или связываться с кем-нибудь по рации. Прикинуться бедной дуручкой было проще, чем ратовать за равные права и справедливость.

К счастью, гаишник оказался человеком нелюбопытным, и спустя уже пару минут она въезжала в город. К своему офису она подъехала только через сорок минут, опоздав на заседание редколлегии...

Ее ответственный секретарь, Сбродов Алексей, был уже на своем привычном месте. Обычно он встречал ее в холле и забирал из ее рук ключи, чтобы отогнать машину в подземный паркинг. Честно говоря, это в обязанности секретаря не входило, Евгения Швец вполне могла справиться с этой задачей сама. Но так уж повелось, что шустрый и пронырливый Сбродов, навязав ей свои услуги несколько раз подряд, стал проделывать эту операцию каждое утро. Несомненно, это было удобно, хотя порой Евгения задумывалась, почему ее ответственный секретарь проявляет о ней такую заботу? Думать о том, что она ему нравится и он делает все это ради собственного удовольствия, было приятно, но глупо. Во-первых, она не нуждалась в его нежной привязанности, а во-вторых, и сам Алексей отнюдь не принадлежал к породе людей, безнадежно влюбленных. Это был ярко выраженный эгоист с задатками типичного карьериста. Он был десятью годами моложе Евгении и считался одним из самых перспективных сотрудников редакции. Сама Евгения предпочла бы видеть на месте ответственного секретаря человека менее амбициозного, но более надежного. Однако издатель настаивал на кандидатуре Сбродова, и с этим ей приходилось считаться.

– Евгения Федоровна, мы вас заждались, – сказал он с улыбкой, встретив ее у подъезда. – Что-то произошло в пути?

– Нет-нет, – покачала головой Евгения. – Все в порядке.

– Давайте ключи, я поставлю машину.

Женщина заколебалась:

– Мне показалось, что я сегодня удачно выбрала место для парковки. Можно оставить ее и там, на улице.

Лицо молодого человека выразило удивление.

– Вы слышали прогноз на сегодня? Двигается циклон. Так что к вечеру вы найдете свою любимицу под толщей льда и снега. Вам это надо?

Отказываться от его услуг было бы глупо и даже подозрительно, поэтому Евгения скрепя сердце передала ключи помощнику. В конце концов, машину, хотя и бегло, осматривал инспектор и не нашел ничего, что показалось бы ему криминальным.

Через пять минут главный редактор журнала «София» входила в свой служебный кабинет...

Все были уже в сборе. Судя по неубранным кружкам с выжатыми пакетиками чая, редколлегия собралась сегодня точно по расписанию. На повестке дня стояло обсуждение юбилейного номера журнала, и пятеро креативных молодых людей с папками в руках с нетерпением дожидались случая высказать редактору свои соображения относительно того, как будет выглядеть «София» в свой десятый день рождения.

Евгения обязана была по такому случаю искриться идеями и зажигать всех своим энтузиазмом. Так бы оно все и было, не случись с ней сегодня поутру это ужасное происшествие. В ее кейсе, битком набитом бумагами, лежали заметки редактора, перемешанные с предложениями ее коллег, некоторые рукописи дискуссионного характера, которые она намеревалась обсудить, а также подготовленные к выпуску иллюстрации. Но после бурного утра, проведенного Евгенией в гонке от ее воображаемых преследователей, в голове у нее было пусто, за исключением, пожалуй, единственной мысли: побыстрее бы все это закончилось и она оказалась бы в своем тихом, безопасном доме.

Тем не менее за стол она села, как обычно поприветствовав собравшихся кивком головы и улыбкой.

– Начнем, помолясь, – сказала она. – Итак, юбилейный выпуск журнала... Не стоит вам повторять, дорогие мои, что это особое событие, и материал номера должен быть подобран так, чтобы у читателя с самой первой страницы возникло ощущение праздника, феерии, если хотите. После изучения ваших материалов у меня подобного чувства не возникло. – Евгения без особого интереса перелистала страницы оригинал-макета и пожала плечами, показывая подчиненным свое неудовлетворение. – Пресно, однообразно, может быть, приемлемо для текущего номера, но никак не для десятилетнего юбилея...

Тут ее взгляд остановился на собственных руках, и она в ужасе замерла. На указательном и большом пальцах правой руки явно виднелась бурая полоса неопределенного происхождения: то ли грязь, то ли кровь, то ли все это вместе. Ко всему прочему на подушечке пальца сильно саднила свежая царапина, которую она получила, пытаясь отмыть разбитую фару.

Мысли Евгении смешались, и она замерла на полуслове. Руки она машинально убрала под стол и теперь по лицам коллег пыталась отгадать, заметили ли они причину ее замешательства. Подчиненные слушали ее внимательно, только редактор отдела красоты и моды почему-то отвела глаза в сторону, словно боясь встретиться с ней взглядом.

– Я хочу выслушать ваши предложения, – резко заявила Евгения, давая всем понять, что право высказаться переходит теперь к членам редколлегии.

Присутствующие оживились.

– Мое предложение остается в силе, – пробасил пухлый мужчина, курирующий в их журнале новостной блок, а заодно и сферу экономики и права. – Необходимо увеличить объем выпуска. Сделать такую «толстушку», которая бросится в глаза читателям хотя бы из-за своего необычного размера.

Озабоченность пухлого человека объемом номера была встречена дружным хихиканьем.

– Спасибо, Костиков, – сказала Евгения, словно бы не заметив всеобщего веселья. – Так мы и сделаем, но я не думаю, что мы станем первооткрывателями. Так делают все. Я жду от вас чего-то принципиально нового.

– Тогда нужно изменить направленность журнала, ориентируя его на более широкие читательские массы, – заявила редактор отдела красоты и моды Юлия Красюк. – Можно ввести новые рубрики.

– Например? – прищурила один глаз Евгения.

– Например, то, что привлечет интерес обывателя в любом случае: слухи, сплетни, криминал...

– Криминал? – переспросила редактор и сразу же почувствовала, как ее уши полыхнули огнем. – При чем тут криминал? Тем более в глянцевого издания?

– Криминальная хроника – это беспроигрышный вариант, – потирая руки, заявил редактор Шпунько, курирующий музыкальный отдел. – Даю на отсечение голову, если читатель пропустит что-нибудь горяченькое из зала суда. «Репортаж в наручниках»! Как вам идея?

– Я думаю, что это отвратительно, – немедленно отозвалась Швец. – Мы позиционируем себя как журнал для современной, активной женщины, нацеленной на семью и карьеру. Как сочетаются со всем этим тюремный быт и жаргонные песни?

– «От сумы и от тюрьмы...» – развел руками Шпунько. – Хотите вы этого или нет, но следственный изолятор – это тоже неотъемлемая часть чьей-то жизни. Можно подумать, современные активные дамы застрахованы от уголовного преследования! Мало ли что может случиться? Например...

– Например, женщина, не справившись с искушением, возьмет взятку, – пыхнул Костиков. – По-моему, очень актуально, в свете борьбы с коррупцией.

– ... или убьет мужа, – нашлась Красюк. – А что? Проблема домашнего насилия стоит сейчас остро.

– Среди наших читательниц нет потенциальных взяточниц и убийц! – заявила вдруг Васнецова, отвечавшая за раздел медицины и психологии. – Ну, правда же, Евгения Федоровна?

Швец проглотила комок в горле. Ей очень не понравилась тема этой дискуссии. Но прекратить словесный поток коллег сейчас было так же сложно, как пытаться, зайдя в горную реку, заставить ее течь в другом направлении. Поднятая тема взволновала всех.

К счастью, хлопнула дверь, и в комнату вошел Сбродов.

– Евгения Федоровна, у вас там проблемы с машиной... – начал он, но договорить ему не дала уже сама редактор.

– Перерыв десять минут, – сказала она, но присутствующие и не думали расходиться.

– Во! – обрадованно воскликнул Шпунько, словно получив порцию адреналина. – Чем не актуальная тема: «Женщина и автомобиль»?

Швец только покачала головой...

– Евгения Федоровна, вы утрясли все необходимые формальности со страховой компанией? – спросил Сбродов, обеспокоенно глядя на свою начальницу. – Если нужна моя помощь, только скажите.

– Пустяки, – отозвалась Евгения, отходя от стола, якобы для того, чтобы приготовить себе кофе. Она не хотела, чтобы их слышали посторонние. – Не стоит волноваться. Подумаешь, какая-то фара...

– Но повреждения серьезнее, чем вы думаете, – возразил Сбродов. – У вас разбиты крыло и капот. Не исключено, что найдутся и другие, внутренние поломки. Как вас угораздило? Вчера, насколько я помню, машина была цела.

– На то она и машина. Вчера – цела, сегодня – уже нет, – пробормотала Швец, всеми силами стараясь скрыть свое смущение.

Сбродов уставился на нее. Должно быть, она говорила глупости.

– Еще мне показалось, что там спереди... кровь, – произнес он с запинкой. – Я наклонился, чтобы получше рассмотреть повреждения, и увидел бурые разводы. Ерунда какая-то, верно?

«Черт!» – мысленно отозвалась Евгения. Она уже проклинала себя за свой необдуманный поступок. Ей не следовало сегодня ехать в редакцию, пусть даже она сорвала бы заседание редколлегии. Гори он синим пламенем, этот юбилейный выпуск любимого журнала, когда на

кону стоит ее собственное благополучие! Она могла сказать больно или сослаться на свою маленькую дочь. Она могла заявить о кончине какого-то дальнего родственника или о внезапном потопе в собственном доме. Но ничего подобного она не сделала, а теперь, как последняя дура, стояла перед сотрудником, открыв рот, и не знала, что сказать в свое оправдание.

– Я... – голос Евгении сорвался. – Я сбила оленя. Вот почему и опоздала сегодня.

Глаза Сбродова округлились.

– Оленя?! – переспросил он недоверчиво.

– Да, – уже решительнее подтвердила она. – Я ехала по объездной дороге. Видимость была отвратительной. А он как раз и выскочил из леса. Я пыталась затормозить, но... тщетно.

– Бывает же такое! – удивился секретарь.

– А по-моему, ничего удивительного, – встряла в их разговор Васнецова. – Мой брат осенью налетел на корову. Было темно, и он не заметил препятствие. Чудом остался жив. Машину разворотило – страшно представить! А тут – олень... А вы сами-то хоть целы, Евгения Федоровна?

– Я?! Да... Кажется, – сказала она нерешительно.

– Может, вызовем врача? – спохватился предупредительный Сбродов. – Как бы чего не вышло.

– Кому врача? – выхватил фразу из разговора Шпунько.

– Никому, – отрезала Швец и вполголоса попросила: – Я не хочу, чтобы это стало достоянием гласности. – Не хватало еще, чтобы к их разговору присоединились сейчас все сотрудники редколлегии. У кого-нибудь хватит ума провести параллель с темой, которую они обсуждали только что, и журналисты ухватятся за горячий повод, да еще, вполне возможно, предложат посвятить ей отдельный материал. Некоторые умники, как пить дать, спустятся в паркинг, чтобы узнать, что может сделать с автомобилем олень: они будут вздыхать и удивляться, рассматривать кровь на капоте. А если они найдут там что-то еще? Волокна ткани, например... Ей придется заявить, что олень был в пальто?!

Евгения почувствовала, что ладони ее увлажнились.

– Ну и правильно, – одобрила Васнецова. – Нечего говорить всем. Но как вы думаете, олень занесен у нас в Красную книгу?

– Не знаю, – пожал плечами секретарь. – Считаете, могут возникнуть неприятности? А где это произошло, Евгения Федоровна?

– Где-то за городом. Я не помню, – уклончиво ответила она.

– Если у вас полная страховка, вы могли бы получить возмещение, – отозвался Сбродов. – Думаю, страховщики были бы в шоке. С ума сойти! Олень! Да это в пору напечатать в рубрике: «Ну и ну!»

– Нет, у меня обычная страховка, – сказала нетерпеливо Евгения. – Ну, довольно об этом. Я достаточно натерпелась сегодня утром, чтобы еще раз переживать все это сызнова. Вернемся к совещанию...

После перерыва тему криминала больше поднимать не стали, и Швец почувствовала невероятное облегчение. Коллеги переключились на предложение Красюк включить в журнал новую рубрику «Слухи».

– Женщины всегда любят обсуждать различные слухи о звездах, и мы можем им помочь, – убежденно говорила Юлия. – Например, читательница присылает нам письмо, в котором спрашивает: правда ли, что актер А ушел к актрисе Б? Мы берем интервью у актера А и даем компетентный ответ.

– Слухи – это вообще часть женской природы. С этим вы точно не поспорите, Евгения Федоровна, – ухмыльнулся Шпунько.

– Все зависит от женщины, – остудила его Швец, но на всякий случай добавила: – Я не буду сейчас спорить относительно женских привычек и наклонностей, но я категорически против того, чтобы превращать «Софию» в бульварную прессу! Думаю, я сделала уже вполне достаточную поблажку вам, когда позволила ввести в журнал страничку светской хроники...

«Светская хроника» была зубной болью для Евгении, поскольку она полагала, что серьезному изданию не пристало публиковать на своих страницах подобные материалы. Яркие фотографии звезд и разного рода звездулечек, плодящихся в последнее время, как кролики в неволе, придавало журналу оттенок желтизны. Но издатель считал, что они должны вовремя улавливать новые веяния читательских интересов и давать современной женщине все то, о чем она хотела узнать.

– Я могу показать вам фото с последнего собрания кинематографистов, – обиженно молвила Красюк и даже потянулась к сумке, чтобы выудить оттуда пачку ярких снимков. – Вы убедитесь, что они великолепны. Бульварная пресса! Взгляните на качество...

– Только не сегодня, – остановила ее Евгения нетерпеливым жестом. – Рассмотрим все в рабочем порядке. Мне не хочется превращать заседание коллегии в балаган.

Она знала, что члены редколлегии, как малые дети, уцепятся за яркие картинки, и на этом плодотворной работе придет конец. Все начнут обсуждать наряды знаменитостей, их внешний вид, судачить по поводу их новых романов, внебрачных связей и беременностей.

К своему неудовольствию, она понимала, что невольно ускоряет темп обсуждения, стараясь побыстрее свернуть совещание. Евгения готовилась к нему две недели, а сейчас действовала так, словно хотела избавиться от редакторов как можно быстрее и остаться наедине со своими мыслями. Ей было не под силу вести собрание, оценивать идеи коллег, ставить на обсуждение насущные вопросы, тогда как все ее мысли были заняты проблемами, весьма далекими от издательского бизнеса. Где-то там, в нескольких десятках километров от их офисного здания, сейчас лежало тело человека, которого она сбила сегодня утром. Должно быть, оно уже остыло, окоченело...

Евгения содрогнулась, представив себе стеклянный взгляд мертвеца.

– С вами все в порядке? – спросил Сбродов.

– Вполне, – ответила она, понимая, что пропустила большой кусок обсуждения. Члены редколлегии смотрели на нее и, должно быть, ждали какого-то ее решения или распоряжения.

– Тогда как вы оцениваете нашу последнюю инициативу? – задала вопрос Красюк. – Мне показалось, что вы не против.

Еще бы она была против, если последние пятнадцать минут перед ее глазами стояло опрокинутое лицо человека с волосами, испачканными в крови! Гул обсуждения коллег слился в ее сознании с шумом зала судебного заседания, откуда ее выводили в наручниках.

– Да, мне показалось, что ваше последнее предложение – это уже кое-что, – сказала она с запинкой. – Представьте мне его в письменном виде, и тогда мы обговорим с вами детали.

– Как скажете, Евгения Федоровна, – пожала плечами Красюк, переглядываясь при этом со Шпунько.

– На этом заседание редколлегии объявляю закрытым, – заявила Швец, решительно захлопнув свою рабочую папку.

Журналисты, переговариваясь, потянулись к выходу. Тем не менее кое-кто подошел к Евгении – решить текущие вопросы. Появилась бухгалтер, а вместе с нею и художник. Они все спрашивали и спрашивали ее о чем-то, кто-то совал ей на подпись документы, кто-то жаловался на необязательность некоторых сотрудников.

Обычно Швец гордилась своим умением быстро улаживать подобные проблемы. Вооружившись телефонной трубкой, блокнотом и ручкой, она обзванивала коллег, давала им точные указания и никогда не забывала контролировать их исполнение. Сложные вопросы, требующие

дополнительного изучения, она «делегировала» Сбродову, оставляя за собой право принятия окончательного решения.

Так было всегда, но только не в это утро. Сегодня Евгения была выбита из колеи и мечтала только о том, чтобы ее оставили в покое. Однако поток просителей не иссякал, и она совсем выбилась из сил, решая эти проблемы весьма неэффективно, а по сути, перекладывая их на потом.

Наконец за последним посетителем захлопнулась дверь, и она в изнеможении откинулась на спинку кресла. Рука автоматически потянулась к телефону. Она хотела позвонить мужу и выплакаться вволю. На экране высветились привычные цифры, но в последний момент она дала отбой. Ну, что она скажет ему? *«Слушай, я сегодня утром сбила человека».*

Такие вещи по телефону не говорят. Потом – мало ли что! Вдруг их кто-нибудь прослушивает? Только этого еще не хватало! Следовало дождаться окончания рабочего дня и обсудить ужасную новость дома. Но, боже мой, сколько времени еще оставалось до вечера! Круглые часы на стене показывали два, и в лучшем случае она сможет добраться домой только к семи вечера.

Позвонила секретарша Аллочка и спросила, думает ли ее начальница идти на обед. Хорошая девочка! Она всегда беспокоилась о ее желудке. Или, может, о своем? Услышав, что Евгения собирается поработать в перерыв, она сообщила, что отправляется в кофейню за углом, «всего на полчаса», а когда вернется, то принесет ей сэндвич с курицей.

Начальница эту сделку одобрила, понимая, впрочем, что обещанного сэндвича ей придется ждать часа полтора, поскольку под «обедом в кофейне» Аллочка понимала общение с подружкой из соседнего офиса. Девчонка была не в меру болтлива, хотя со своими обязанностями по работе справлялась неплохо. Приходясь племянницей издателю, она могла себе позволить некоторые вольности, не опасаясь, что ее место отдадут другому, более преданному делу сотруднику.

Хлопнула дверь, и Евгения осталась одна. Подойдя к окну, она долго рассматривала бесконечный поток машин, растянувшийся по всему проспекту. Дождь со снегом прекратился, и в воздухе мелькали лишь отдельные снежинки. Похоже, синоптики не ошиблись в прогнозе. К вечеру мостовые подморозит, и город превратится в каток. Серое набухшее небо, готовое разверзнуться снегопадом в любой момент и вывалить на головы прохожих мириады снежной пыли, казалось теперь Жене мрачным предзнаменованием ее грядущих неприятностей.

Она вдруг подумала, что сейчас хмурый следователь где-то решает вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении преступника-водителя, заранее оценивая перспективы. Что, если он уже знает, кого следует арестовать? Евгения почувствовала, как по ее спине пробежал холодок. Интересно, почему она решила, отсидевшись в своем офисе, что она находится в безопасности и ей ничто не грозит? А если на месте происшествия был кто-то, кого она не заметила? Ведь могло быть и такое! Предположим, пострадавший был не один. Его спутник вышел из леса несколькими минутами позже и заметил лишь номер отъезжающего автомобиля. Разумеется, он сразу сообщил об этом работникам милиции, и в настоящий момент они устанавливают, кому принадлежит машина. Ну, с этим-то проблем у них не возникнет. У Евгении нет путаницы в документах. Автомобиль принадлежит ей. Она не ездит по доверенности. Значит, с минуты на минуту ей следует ожидать визита непрошенных гостей?

Она представила, как они проходят в офис, спрашивают у охранника номер ее кабинета и без стука заходят внутрь. Они покажут ей свои документы, зададут пару формальных вопросов, а потом последует неизбежное: «Просим пройти за нами». Наденут ли они на нее наручники? Скорее всего да. Ведь от водителя, скрывшегося с места происшествия, можно ожидать какой угодно прыти. Они поведут ее по коридору под недоуменными взглядами подчиненных, и охранник по привычке скажет: «До свидания, Евгения Федоровна». Она печально улыбнется: «Скорее всего прощай. Поскольку она не вернется сюда, если даже суд назначит ей условную

меру наказания. Во-первых, никому не нужны работники, побывавшие под следствием и судом. Тем более главные редакторы с неблагонадежной репутацией. Во-вторых, она сама не сможет работать под одной крышей с теми, кто увидит на ее лбу позорное клеймо – «ранее судима». Ее карьера окажется испорченной раз и навсегда. Из этой грязи ей уже не суждено подняться...

Потом ей пришло в голову, что пострадавшего еще не нашли и он до сих пор лежит на обочине, укрытый белой снежной порошей. Тогда свидетелей ее поступка скорее всего не существует, и она может вздохнуть свободно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.